

Т. П. Павлова

Тверской государственный университет, 4 курс

Научный руководитель: к.ф.н. Л. В. Самуйлова

АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИМИТАЦИИ РЕЧИ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ТОРСТЕНА РОДЕ [TOTSTEN RONDE. «BESSER ALS BUS FAHREN», «WER ERBT, MUSS AUCH GIESSEN»])

*За художником всегда признавалось широкое право
перевоплощения и изменения действительности.*

(В.В. Виноградов)

Торстен Роде (Totsten Rohde) – автор цикла романов-бестселлеров о 82-летней фрау Ренате Бергманн. Блестящая, по мнению немецкой прессы, идея доверить роль рассказчицы человеку преклонного возраста воплотилась в 17 романах, прошедших успешную апробацию в социальной сети Twitter. Вымышленный Т. Роде профиль бабушки Ренаты превратился в «интернет-феномен», в котором каждый узнаёт своих пожилых родственников с присущим им социальным и речевым этикетом. Их опыт, унаследованный от предшествующих поколений, является социально-культурной базой, основой этикета. «Не случайно поэтому в этикетной культуре всегда отводилась такая большая роль старикам и старшим по возрасту людям. Они всегда имели в этикете более высокий статус и приоритет» [Лихачева 2000: 75]. Это высказывание – дополнительный аргумент в подтверждение актуальности предпринятого исследования.

В романах Т. Роде – повествованиях от первого лица – рассказчице делегирована роль автора. В.В. Виноградов писал: «Рассказчик – речевое порождение писателя, и образ рассказчика (который выдает себя за “автора”) – это форма литературного артистизма писателя. Образ автора усматривается в нём как образ актёра в творимом им сценическом образе» (цит. по: [Горшков 2006: 186]). В романе этот образ отягощён гендерным и геронтологическим несовпадением реального автора и его фикционального «визави» (Торстен Роде, 50 лет versus Рената Бергманн, 82 года). Это обстоятельство, однако, несколько не нарушает повествовательную канву, так как Т. Роде овладел искусством типизации и перевода с собственного языка на «ренатский».

Авторские стратегии художественной имитации затрагивают многие аспекты «жизненного» пространства пожилого человека: манеру поведения в кругу общения со знакомыми и незнакомыми людьми в пределах идентичной и другой возрастной группы, интересы, обсуждаемую тематику (прошлое, политическое искусство, пенсионное обеспечение, коммунальные платежи и продовольственная корзина, размышления о настоящем и будущем, а также здоровье).

Письменная фиксация устного повествования от первого лица, выполненная Р. Бергманн, включает как собственно рассказ, так и внутреннюю речь фрау Бергманн, а также симуляцию диалогов других действующих лиц и косвенное воспроизведение чужой речи. Исследователь имеет, таким образом, дело с так называемой «стратегической, или концептуальной устностью» – устной разговорной речью не в её типичном звуковом выражении и воспринимаемой «со слуха», а в виде печатного текста – продукта визуально представленного говорения. Сказанное наглядно демонстрируют следующие текстовые фрагменты, с которых начинается повествование: «**Guten Tag**, Sie wissen bestimmt schon, wer hier wieder schreibt, oder? Richtig. Renate Bergmann» (Т. Rohde. «Wer erbt, muss auch GIESSEN»); «**Guten Tag**, diesmal verrate ich aber nicht, wer hier schreibt. Sie wissen das bestimmt auch so, es steht ja auf dem Deckel vom Buch drauf. „RENATE BERGMANN“» (Т. Rohde. «Besser als BUS fahren»). В приведённых в качестве примеров цитатах сохранено оригинальное полужирное начертание словосочетания «Guten Tag» – особенность применения шрифтового варьирования в тексте. Обращает на себя внимание и использование прописных букв для обозначения автора произведения.

Стратегия на устность проявляется прежде всего в фонографиике – фиксации произносительных (диалектально окрашенных) особенностей речи Р. Бергманн. Речь, характеризующаяся «нарушением норм на различных уровнях языковой системы в условиях интерференции со стороны родного языка», определяется как «контаминированная речь» [Савенко 1999: 150]. Для её изображения на графическом уровне часто используются фонографические средства, которые в совокупности создают «фонографическую стилизацию» текста. Её целью является передача «произносительных особенностей персонажа». Важный аспект фонографической стилизации при этом – учёт узнаваемости «фонетических комплексов», ориентация на понимание текста читателем [Куликова URL]. Подражание устной речи на письме создаёт ту доверительную атмосферу, при которой сокращается дистанция между «собеседниками» (рассказчицей и читателем).

Фонографияка чётко видна на примере «иноязычных вкраплений» (по определению Л.П. Крысина, «незамкнутых групп слов, употребление которых обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком» [Крысин 1968: 47]). В романах их написание соответствует звуковому образу, воспринимаемому фрау Бергманн со слуха: *die Tudu-Liste* – «to do list» – «список дел» («Ich überflog die nächsten Posten auf der Tudu-Liste.»), *Nordisch Wokking* – «norwegian walking» – «норвежская ходьба» («Das war noch die Zeit vor Nordisch Wokking, wissen Se.»), *Tscheck* – «check» – «проверить» («Die Einschickdame war sehr nett. Tscheck.»), *I-Mehl* – «E-Mail» – «электронная почта» («Wenn sie mir einen I-Mehl schickt, dann muss ich immer rätseln, was sie von mir will <...>»), *Fäßbok* – «Facebook» – социальная сеть «Фейсбук» («<...> dass er in 50 Jahren noch das Passwort von Oma und Opa kennt und an Weihnachten beim Fäßbock gucken kann?»),

Händi – «Handy» – «смартфон» («Ich werde ja das Händi mitnehmen, wer was will, kann schreiben oder anrufen.») и др.

Не менее иллюстративны диалектально окрашенные речевые вкрапления – следы берлинского диалекта. Важно напомнить, что географической и речевой средой обитания Р. Бергманн является Берлин.

Так, смычный звук, которому на письме соответствует буква *g*, а, по правилам немецкого стандарта, при его реализации на конце слова взрывное произношение *[k]*, артикулируется рассказчицей как *[x]*, что имеет письменную поддержку в виде буквосочетания *ch*, например, в существительном *Tag (Tach)*: «Renate Bergmann, geborene Strelemann, aus Berlin. Guten Tach». Тот же процесс наблюдается в глагольной форме с опопоированным окончанием, например, при обращении Р. Бергманн к читателям: «*sach ich Ihnen*» – «*sag ich Ihnen*».

В сочетаниях *ln, nt* часто элиминируется звук *[t]*. Р. Бергманн неоднократно употребляет слово *olle (die olle Bergmann)* вместо *alt*. Звук *[t]* «выпадает» и на конце таких слов как *ist, nicht*. В речи героини встречается, например, выражение «*nich wahr?*» – «*nicht wahr?*»

В таких словах как *fufzen* – «*fünfzehn*», *fufzich* – «*fünfzig*» наблюдается синкопа назального *[n]*: «*Die sind Ende fuffzich, bei denen steht das mit dem Erbe auch bald auf dem Programm*».

В предложении безударные слова часто претерпевают качественные и количественные изменения: *de* (*die* – артикль женского рода, *du* – «ты»), *ma* (*mir* – «мне»). Ослабление, а именно редуцирование безударных слов в предложении – одна из характерных черт берлинского диалекта [Schildt, Schmidt 1986: 227]. В XIX и XX веках гласные в безударных или слабоударных слогах были ослаблены до редуцированного *e [ə]*, например, в таких словах как *Medezin* (*Medizin* – «медицина»), *Professer* (*Professor* – «профессор»). В романе Т. Роде встречается написание слова *Doktorin* как *Doktern*, в этом примере прослеживается качественная редуцирование звука *[o]* до *[ə]*, а также элизия звука *[i]* в последнем слоге.

На письме стандартная вежливая форма обращения *Sie* (произносимая на берлинском диалекте как *[ze]*) отображается в соответствии с берлинским *Se*. Р. Бергманн часто, обращаясь к своим читателям, использует такие выражения, как *wissen Se, entschuldigen Se, denken Se sich das mal*. Рассказчица, хоть и произносит *[ze]* *Se* вместо *[zi]* *Sie*, фиксируя это на письме, но сохраняет отдельное написание местоимения с глаголом. Э.Г. Ризель в «стянутой» форме *gehense* (контрактура, образованной из глагола *gehen* и берлинского местоимения *se*) видит произносительный аналог инфинитива с суффиксом *se*: «*Gehense doch endlich vom Fenster weg*» [Riesel 1964: 186].

Явление контракции «(лат. *contractio*) – стягивание, сжимание, сжатие» [Современный словарь иностранных слов 1992: 305]) чрезвычайно характерно для разговорной речи с её небрежной артикуляцией, допускающей разного рода редукиции, ассимиляции, вокализации, «проглатывание» целых слогов и слов, стягивание компонентов различных частей речи в одну форму (*Schmelzwort*).

Как правило, эти явления проявляются в комплексе. Так, ещё одной особенностью берлинского диалекта является редукция звука [l] в личных формах глаголов, например: *so ick* (soll ich), *du sost, du wist, wiste* (willst du) – контрактура. В повседневной речи берлинца можно встретить и такую «стянутую» форму, как *haak* (*habe ich*). В речи Р. Бергманн явление контрактуры отражено в обращениях: *weißte* («Aber ... es ... weißte, Kathrin, es ist so <...>»), *siehste* («Siehste, ich sage doch immer: <Die Welt ist ein Dorf>»), *denkste* («Aber denkste, Renate!»), *haste* («Recht haste, Gertrud.»).

В немецком грамматическом описании фигурируют термины *Kontraktion*, *Verschmelzung*, *Zusammenziehung*. Как правило, данное явление иллюстрируется исключительно на примере слияния предлогов с артиклями с указанием стандартных и разговорных образцов, а также пунктуационных возможностей отражения звуковых редукций: *zum, zur, im, am, beim, vom, ins, ans, aufs* (см., например: [Duden Die Grammatik 2009: 924]).

Важно отметить, что героиня может сразу определить «настоящего берлинца» по его речи. Например, по внешнему виду и репликам одного служащего она сразу поняла, что он коренной житель Берлина. Графически отображая оригинальное звучание некоторых языковых единиц, фрау Бергманн цитирует его высказывания (выделение подчёркиванием здесь и далее наше – Т.П.): «*Jetzt zeijen Se mir erst mal bitte Ihren Ausweis oder Pass*». – «Теперь, пожалуйста, покажите мне ваше удостоверение личности или паспорт», или «*Sehen Se, es ist nicht so, dett ick Sie hier zu einem Kaffe einladen will und dett Se mir einen Korb geben können, wenn Se keene Lust haben. Ditt war keene Bitte, sondern eine Anweisung*». – «Видите ли, дело не в том, что я хочу пригласить Вас на кофе и что Вы можете отказаться, если Вам не хочется. Это была не просьба, а распоряжение». В этих примерах встречаются фонографические варианты таких стандартных языковых единиц, как *zeigen, Sie, das, ich, Kaffee, keine, dieses*.

«Следы» устности (и разговорности) проявляются на всех языковых уровнях. Кроме избытка модальных слов и частиц, разнообразных междометий (*bestimmt, ja, mal, wohl, oooch, nee, na* и др.) на уровне лексики бросаются в глаза так называемые *Schwammwörter*, или «слова-губки» (нем. *Schwamm* – губка, *Wort* – слово) («*Allerweltswörter*») – такие слова, которыми можно описать практически любой объект повседневной жизни: «*Diese jungen Dinger haben es zu leicht, sage ich Ihnen*», «<...> kein schmuddeliges Zeug <...>». Форма множественного числа *Dinger* в этом случае – ещё один признак берлинского диалекта, рефлекс которого довольно частотны в речи рассказчицы.

Повествованию фрау Бергманн не чужды фразеологические единицы типа: *klipp und klar* – «без обиняков», *den Dingen ins Auge sehen* – «смотреть правде в глаза», *Tränen lachen* – «смеяться до слёз», *mit Ach und Krach* – «с горем пополам», *fix und fertig sein* – «сильно устать, выдохнуться» и др.

Речь рассказчицы во многом соответствует нормам грамматики немецкого языка, но в ней можно встретить некоторые морфолого-синтаксические особенности, характерные именно для разговорной речи.

На уровне морфологии заметна «любовь» фрау Бергманн к уменьшительно-ласкательным суффиксам. Например: *Leutchen*, *Gänseblümchen*, *Gläschen*, *Schaumstoffkügelchen*, *Stäbchen*, *Sümmchen*. Основной стилистической функцией диминутивов в этих примерах является выражение положительного отношения рассказчицы к предмету. Нередко, однако, автор использует уменьшительно-ласкательный суффикс для выражения насмешки, например: «Sobald sie ein Wehwehchen hat, legt sie sich ins Bett und wartet auf das nahende Ende».

Тенденция к экономии усилий в сфере формообразования проявляется в редукции структурных компонентов аналитической формы: «Also bin ich auf die Sparkasse» (gegangen – Т.П.); делении местоимённых наречий: «Da habe ich einen Blick für». (Dafür habe ich einen Blick)

Немногочисленны случаи использования конструкции tun + Infinitiv. Следующий пример с инфинитивом в предполье, согласно грамматике серии Дуден, является стандартным образцом конструкции и стилистически маркированным: «Aussehen tut Norbert ja wie ein Doberschnautzer, aber es muss noch ein bisschen Terrier mit im Blut sein».

Синтаксис разговорной речи имеет также ряд особенностей, в основе которых лежит стилистический приём парцелляции «(от франц. *parcelle* – частица), состоящий в таком расчленении единой синтаксической структуры предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, или фразах» [Стилистический словарь русского языка 2003: 279]. Речевая тактика синтаксического членения объясняет преимущественное использование предложений упрощённой структуры – паратаксиста (*Parataxe*), придающей речи персонажа «разговорную интонацию присоединения» [Pay URL]: «Ich dachte, ich gucke nicht richtig». В речи рассказчицы часто встречается так называемый «вынос за рамку» (*Ausklammerung*) отдельных членов предложения: «Ilse beschrieb das so schwärmerisch und bildhaft, dass ich ganz angesteckt war von ihrer Begeisterung»; «Wenn der sich mit seinen Skatbrüdern trifft einmal im Monat, <...>».

«Письменная устность» изобилует синтаксически изолированными речевыми фрагментами, оформленными как предложения (*Isolierung*). Например: «<...> dann wird einem ganz warm ums Herz. Sogar an Ostern»; «Man könnte gut ein kleines Häuschen davon kaufen. Mit Garten und Garage»; „Und dafür braucht sie Geld. MEIN GELD». В последнем примере важность изолированного фрагмента поддерживается использованием прописных букв, сигнализирующих форсированную громкость.

Для авторской речи характерны парентезы (*Parenthese* – «прагматические вставки»): «Eine Schwester – ich glaube, sie hieß Sabine – trällerte von ihrem Tresen <...>»; «Entweder fährt der Herr abends wieder nach Hause, so wie Erwin Beusel – aber dazu komme ich später noch –, oder es wird geheiratet». С их помощью устанавливается или контролируется связь со слушающим / читателем.

Шрифтовое варьирование в виде оформления отдельных слов, словосочетаний и фраз большими (прописными) буквами (маюскулом – Majuskelschrift) встречается в текстах романов довольно часто: «Ich habe Kirsten SEHR deutlich gesagt, was ich von ihrer Idee halte»; «Von acht schwarzen Pferden gezogen werden. ACHT SCHWARZE PFERDE»; «SIE wollte es schließlich, nicht ich». Оно многозначно. Кроме вышеобозначенных функций голосового выделения текстовые фрагменты иллюстрирует возможность передачи с помощью прописных литер логического ударения.

Таким образом, используя разнообразные стратегии имитации речи пожилого человека, автор создаёт многогранный образ рассказчицы, насыщает её речь спектром диалектальных, лексических, грамматических особенностей, вследствие чего повествовательная манера Р. Бергманн становится естественной, «живой» и непринуждённой. Она импонирует читателю, видящему во фрау Бергманн себя (сверстники пожилого возраста), а в бабушке Ренате родного человека (молодые люди, дети, внуки).

ЛИТЕРАТУРА

Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учеб. для педагогических университетов и гуманитарных вузов. М.: АСТ: Астрель, 2006. 367 с.

Куликова М.Н. Фонографические средства изображения контаминированной речи немцев в аспекте перевода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. №4. С. 94–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fonograficheskie-sredstva-izobrazheniya-kontaminirovannoy-rechi-nemtsev-v-aspekte-perevoda> (дата обращения: 14.03.2024).

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.

Лихачева Л.С. Этикет в социальном взаимодействии: полипарадигмальный подход. Екатеринбург: Уральское издательство, 2000. 156 с.

Рау С.Г. Парцелляция как средство речевого воздействия в современной драматургии (на примере пьесы М. Хейфеца «Спасти камер-юнкера Пушкина») // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2020. №12. С. 118–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partsellyatsiya-kak-sredstvo-rechevogo-vozdeystviya-v-sovremennoy-dramaturgii-na-primere-piesy-m-heyfetsa-spasti-kamer-yunkera/viewer> (дата обращения: 20.04.2024).

Савенко Е.Н. Контаминированная речь иностранца в художественной литературе и способы ее перевода на другой язык: Сб. научн. трудов. М: Моск. гос. лингв. ун-т. 1999. Вып. 444. С.149–161.

Стилистический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

Duden Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2009. 1349 S.

Riesel E. Der Stil der deutschen Alltagsrede. М.: Высшая школа, 1964. 315 с.

Schildt J., Schmidt H. Berlinisch. Geschichtliche Einführung in die Sprache einer Stadt. Berlin: Akademie-Verlag, 1986. 446 S.

ИСТОЧНИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Rohde T. Besser als BUS fahren. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2017. 240 S.

Rohde T. Wer erbt, muss auch GIESSEN. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2016. 208 S.